

КЛИО

Журнал для ученых

№ 1 (4)

Издательство
НЕСТОР

1998

В военном словаре, изданном в России накануне Первой мировой войны, констатируется факт, что в действительности научно обоснованной и общепризнанной системы военного воспитания ни существует⁹. Так ли это на самом деле? На этот вопрос нет однозначного ответа. Однако несомненно, что государство и общество активно и целенаправленно влияли на военное воспитание народных масс.

Соответствующая деятельность осуществлялась по следующим направлениям:

— работа по военному воспитанию непосредственно в войсках;

— воспитание юношества в военных и общеобразовательных учебных заведениях;

— образование и развитие различных добровольческих организаций и спортивных кружков с военным воспитанием и военно-учебными целями;

— пропаганда почетности и важности военной службы со стороны церкви;

— развитие на государственном уровне законодательной базы в отношении армии;

— подготовка офицерских кадров в качестве командиров и воспитателей подчиненных;

— формирование общественного мнения (развитие традиций военного патриотизма, прославление армии в средствах массовой информации, монументальной скульптуре и архитектуре, литературе, живописи и др.);

— подготовка Государственного ополчения и другие мероприятия.

Высшим проявлением государева участия в военном воспитании народа является военное звание русского самодержца и членов царского рода по мужской линии, постоянное ношение ими военного мундира.

Несомненно, что военное воспитание предполагает общее образование с учетом военной специфики.

"В самой армии средством военного воспитания является, в сущности, весь уклад ее службы, жизни и деятельности. Посредством точной регламентации обязательными к руководству уставами, наставлениями, правилами и т. п. ее стараются вести так, чтобы каждый воин возможно чаще и отчетливее представлял себе во всем величии свое назначение и мог упражнять в себе те душевные наклонности, умственные и физические навыки, которые понадобятся ему в военное время; в то же время заботятся об устранении всего того, что могло бы иметь в этом отношении вредное влияние"¹⁰.

В заключение необходимо отметить, что отношение к армии со стороны государства и общества позволило создать героический и мужественный образ русского воина-победителя и защитника, несмотря на трудности и ошибки в воспитательном процессе, давая характеристику которого в начале XX столетия, командир лейб-гвардии Волынского полка генерал-майор А. Турбин пишет: "Положительно болеешь сердцем за нашу армию, в которой за редким исключением воспитательные идеи дремлют; их почти не будят ни учебные, ни войсковые школы, и только благодаря богатству русской природы, мы видим самородные проявления воспитательной силы в войсках..."¹¹

¹ О долге и чести воинской в российской армии / Под ред. В. Н. Лобова. М., 1991. С. 298.

² Рубежи ратной славы отечества: люди, события, факты / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М., 1997. С. 47.

³ Бешенцев В. Воинское воспитание и обучение в истории российской армии // На страже Родины. 1994. 19 марта.

⁴ Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1912. Т. 6. С. 485—488.

⁵ Ионов В. В. Очерки истории военного образования в России с петровских времен до 1917 г. СПб., 1997. С. 19.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Самусь В. Н. Во славу Отечества: (История, традиции отечеств. воен. офицерства). Кстово, 1992. С. 39.

⁸ Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1912. Т. 6. С. 486.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Турбин А. Е. Воспитание в войсках. Дисциплина как основа этого воспитания. СПб., 1912. С. 239.

Александр Иванович Сапожников (Санкт-Петербург)

кандидат исторических наук

Работает заведующим сектором фондов Российской национальной библиотеки

"ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1812 ГОДУ"
А. И. МИХАЙЛОВСКОГО-ДАНИЛЕВСКОГО
В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

В 30—40-е годы XIX века в Петербурге вышли подряд семь военно-исторических трудов о войнах России в царствование императора Александра I. Все эти книги были написаны одним автором — известным военным историком, генерал-лейтенантом Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским (1789—1848). После выхода в свет "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина это было самое значительное событие в историографии России. С тех пор минуло более полутора веков и теперь можно с уверенностью сказать, что труды Михайловского-Данилевского выдержали проверку временем и занимают достойное место в отечественной военной историографии. В настоящее время трудно представить выход в свет современного исследования по эпохе 1812 года, в котором бы они не использовались. Однако реакция современников на творчество военного историка была далеко не однозначной.

28 августа 1834 г. военный министр граф А. И. Чернышев передал генерал-майору Михайловскому-Данилевскому, в то время состоявшему по армии, высочайшее повеление подготовить описание похода 1814 года. Вскоре ему были созданы условия для исторических занятий: он был произведен в генерал-лейтенанты, пожалован в сенаторы и назначен председателем Военно-цензурного комитета. В Сенат Михайловский-Данилевский почти не ездил, а комитет заседал в его доме на Конюгвардейском бульваре. Служебные обязанности были необременительны и позволяли большую часть времени посвящать военно-историческим исследованиям. Итогом деятельности историка стал ряд фундаментальных военно-исторических трудов, написанных по высочайшему повелению и принесших автору прижизненную славу: Описание похода во Францию в 1814 году (Ч. 1—2. СПб., 1836); Описание Отечественной войны в 1812 году (Ч. 1—4. СПб., 1839); Описание войны 1813 года (Ч. 1—2. СПб., 1840); Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах (СПб., 1841); Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года (Ч. 1—2. СПб., 1843); Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805-м году (СПб., 1844); Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах (СПб., 1846). Названия всех книг Михайловского-Данилевского начинаются со слова "Описание" не случайно: труды историка носят главным образом описательный характер, он сознательно отказался в них от критического анализа. В предисловии к "Описанию Отечественной войны в 1812 году" это оговаривается: "Критическая военная история не была моею целью. Оставим ее военным схоластикам, преподавателям стратегии и тактики"¹. Такая односторон-

ность его военно-исторических сочинений лучше всего показывает то сложное положение, в котором оказался Михайловский-Данилевский, став официальным историком, поскольку до этого он думал совсем иначе: "...там нет похвалы, где нет критики, а без сей последней не может быть и справедливости"². Еще в 1817 году им была подготовлена критическая статья "О противоречиях в войне 1812 года", которая осталась неопубликованной. Не использовал он ее и в "Описании Отечественной войны в 1812 году". Вероятно, при поручении ему исторических сочинений было оговорено, что они должны собой представлять.

Михайловскому-Данилевскому были созданы все условия для сбора необходимого материала и источников. Ему разрешили получать у книгопродавцев запрещенные в России книги иностранных авторов на эту тему. Все государственные учреждения по его запросам представляли необходимые сведения. Историк позволили заниматься во всех государственных архивах, но на определенных условиях, что видно из следующего документа: "Отношение Вашего Превосходительства от 4-го сего апреля в коем испрашивается позволение рассматривать дела, хранящиеся в Архивах министерства Иностранных дел и относящиеся до Отечественной войны 1812 года и вообще до дипломатических сношений тогдашнего времени, я всеподданнейше докладывал государю императору. Его Величество разрешая вам рассматривать означенные дела и сношения изволил оставаться вполне уверенным, что Вы Милостивый Государь, и в отношении сих документов будете соблюдать ту же осторожность и скромность, которые аменны Вам в обязанность (курсив мой. — А. С.) при рассматривании вообще всех материалов сообщаемых Вам для руководства при составлении описания Отечественной войны 1812 года"³.

Предметом особого внимания как современников, так и последующих поколений стали прежде всего подготовленные историком описания войн 1812—1814 гг. Очень часто современники говорили об этих трех книгах как об одном целом, называя их в общем историей 1812 года. Это и понятно, поскольку под эпохой 1812 года принято подразумевать события 1812—1814 гг., закончившиеся вступлением русской армии в Париж. "Описание Отечественной войны в 1812 году" выдержало три прижизненных издания (1839, 1840, 1843) и вошло в посмертное собрание сочинений историка (1849). Оно было полностью переведено на немецкий (1840) и частично на французский языки (1839, 1842).

Высочайший рескрипт, в котором историк поручалось подготовить описание Отечественной войны 1812 года, был опубликован в газете "Русский инвалид". В нем говорилось: "Господин генерал-лейтенант, сена-

тор Михайловский-Данилевский! Прочитав с особенным вниманием представленное вами чрез военного министра описание похода 1814 года, я, к истинному удовольствию моему, нашел в сем творении самое точное и верное изложение событий, навсегда незабвенных, начертанных пером, достойным высокого своего предмета. Отличаясь сим от всех доселе известных описаний сей эпохи, оно, в духе истины и строгой правды, передает потомству, в самых верных чертах, бессмертные подвиги императора Александра, ко благу Европы предпринятые, и знаменитое участие Русского воинства в борьбе, упрочившей навсегда независимость государств. Важным и любопытным дополнением к описанию походов 1813 и 1814 годов, составила бы История собственно Отечественной войны 1812 года. Я желаю, чтобы вы занялись начертанием оной, и вполне уверен, что вы представите в ней соотечественникам вашим новый опыт отличных ваших дарований и обширных познаний⁴.

В частной переписке историка отразилась реакция современников на публикацию этого рескрипта. Вот что писал ему генерал Г. С. Лашкарев: "Увидим ли мы сочинение обратившее внимание Государя или оно останется доступным только немногим избранным. Вот вопрос, который я себе делаю и на который сам себе благосклонно отвечаю в полной надежде, что истина, выраженная твоим пером, не должна [...] останавливать напечатание сей любопытной книги, в особенности по истечении двадцати с лишком лет (курсив мой. — А. С.). Хотел я еще сделать и другой вопрос: исполнится ли желание Монарха, столь лестно в рескрипте Его выраженное. Кто может иметь лучшие по изданию описания войны 1813—1814 годов материалы, как не ты, который все время [был] у источника оных. Эпоха сия слишком важна, чтобы остаться без должного описания со стороны русских, которого доселе еще не сделано. Сочинение Бутурлина писано по моему мнению не для одной России — даже едва ли для нее"⁵.

Такие же добрые пожелания содержатся в письме литератора А. Ф. Воейкова: "Поздравляю Вас от всей души с блистательною наградою за блистательный труд Ваш, (который дорого оценится не в одном нашем отечестве, да и в целой Европе). Девиз: польза, честь, слава, был всегдашним Вашим девизом. Еще более радует меня важное поручение Императора написать Историю священной войны 1812-го года. Сочинение Бутурлина верно, но сухо и холодно: не выдвинуты рельефом на передний план главные действующие лица; не живо описаны частные подвиги, давшие сильный толчок дальнейшим происшествиям; на пр. великий подвиг графа Мицко, спасший армию; взятие Минска и Борисова графом Ламбертом. Если в 1835-м году можно говорить о 1812-годе правду (курсив мой. — А. С.): то Витгенштейн будет вивонат за несоединение с Чичаговым, кажется единственно с тою целью, чтобы не подчиняться ему, как старшему. Ермолов со всею своею знаменитостью, Латынью и Азиатским деспотизмом, не скоро смеет с себя пятно Тарутинское; храбрый, ученый стратег и тактик Бениксен явится, под Вашетою животворною кистью, тем, что он был, Немецким генералом, не Русской веры, не изучавшим характера Русского солдата... О, доживу ли я до того чтоб видеть великое творение Ваше и окислиться слезами, читая о любви к отече-

ству и самоотвержении императора Александра, полководцев и народа его, в черную годину нашествия Галлов!"⁶ Отметим, что оба корреспондента сомневались в возможности публикации достоверной информации о войне 1812 года в то время.

Поручение подготовить описание Отечественной войны 1812 года имело большой общественный резонанс, особенно среди ветеранов войны. Отклики на него встречаются не только в личной переписке историка. В данной статье письма к Михайловскому-Данилевскому с хвалебными отзывами в его адрес использованы незначительно: их много, но насколько они искренни? Например, с ним состоял в многолетней дружеской переписке Д. В. Давыдов, письма которого полны восторженных высказываний по поводу его исторических исследований. Однако в переписке с другими лицами и своих записках известный партизан высказал прямо противоположные суждения. Вот что он писал в письме к А. С. Пушкину: "Досадно, что Данилевский отсекает без всякого основания целые периоды от статей моих. Что делать! Я, пока ни слова не наемкну ему о том; боюсь рассердить его. Он теперь пишет двенадцатый год; пожалуй, с сердцем вычеркнет из него и дела мои. Между тем признаюсь, — я обозрением его 1814 года довольно доволен. Происшествия изложены ясно, есть в нем документы неизменные; конечно, ни одно выражение не берет на штыки читателя, зато все сочинение проникнуто теплою любовью к России, что для меня, варвара, человека без примеси русского, Бог знает как усладительно, особенно при настоящем духе Общего Гражданства, разливаемого нашими пикольниками — Ликургами с очками на носу и в батистовых рубашках. Но неужели нельзя хвалить русское войско без порицания Наполеона? Порицание это причиною того, что все сочинение отзывается более временем 1812 года, слогом Сергея Глинки — когда ненависть к посягателю на честь и существование нашей родины внушала нам одни ругательства на него, — чем нашим временем, когда забыта уже вражда к нему и гений его оценен бесспорно и торжественно. А все эти выходки Данилевского для чего? Для того, чтобы поровнять в военном отношении Наполеона с Александром; будучи не в состоянии возвысить последнего до первого — он решился унижить первого до последнего и оттого похож на тех французоз, которые при вступлении нашем в Париж, навязав веревку на шею бронзовой статуе великого человека, тащили ее с верха колонны на мостовую"⁷. Позже в своих записках Давыдов был более категоричен в отношении историка: "Генералу Чернышеву удалось совершить замечательные подвиги в 1812 и 1813 годах, слишком преувеличенные и превознесенные его презренным холопом Михайловским-Данилевским. Чернышев омрачил, к сожалению, все свои подвиги непомерным хвастовством и полным отсутствием скромности"⁸. Стоит ли задаваться вопросом, где Давыдов был искренен, ответ на который очевиден.

Желающие просматривать подготавливаемое историком сочинение появились уже вскоре после начала работы. Так, Михайловский-Данилевский обратился с просьбой к князю Витгенштейну прислать имеющиеся у него документы 1812 года. Тот ответил, что все материалы были им переданы в свое время И. И. Дибичу, работавшему над описанием Отечественной войны.

Вместе с тем Витгенштейн просил присылать к нему рукопись для просмотра, подобно тому как это делал Дибич⁹. Однако историк этого делать не стал.

29 января 1838 г. Михайловский-Данилевский закончил работу над "Описанием Отечественной войны в 1812 году", рукопись которого состояла из пяти томов, и передал военному министру для представления императору. Николай I в течение месяца очень внимательно, что называется — с карандашом в руке, читал рукопись "Описания", заставив понерничать историка. Наконец 27 февраля в "Русском инвалиде" был опубликован рескрипт, в котором говорилось: "Ревнуя обогатить отечество Наше недостававшего историею войны 1812 года, на достоверных данных основанное, Я, по отличному дарованию вашим, поручил вам составление оной. Этот важный труд ныне достойно вами исполнен. В творении вашем, Я к душевному удовольствию Моему нашел столь же верное и точное изложение незабвенных событий того времени, сколько живое, пламенное, в непреложных чувствах Русского сердца почеркнутое описание бессмертных подвигов Императора Александра, непоколебимой Его твердости в деле спасения отечества и высоких Царственных Его добродетелей, осенявших Россию в эту годину бедствия и славы. В чертах не менее верных переданы вами знаменитые подвиги войска и верность народа, беспредельная его преданность Престолу, живая любовь к Отечеству. За этот прекрасный труд ваш, совершенно ожиданиям и намерениям Моим соответствующий, Мне особенно приятно изъявить вам искреннюю мою признательность, в явнее ознаменование коей жалую вас кавалером Императорского и Царского Ордена Белого Орла..."¹⁰

Публикация этого рескрипта стала событием в общественной жизни: по полученным наградам Михайловский-Данилевский далеко обошел Карамзина, который умер в чине действительного статского советника и кавалером ордена св. Анны 1-й ст. Конечно, у этих историков была абсолютно разная предшествующая служебная карьера, но за исторические исследования столь высоких наград в России до тех пор не получали. Вот что писал Михайловскому-Данилевскому бывший сослуживец А. И. Казначеев: "Можешь себе представить, как отрадно было мне читать рескрипт к тебе великого Государя, который достойно и праведно пенит твои классические труды, небывалые в Матушке России по военной части. Ты конечно почтешь эту выходку за дружескую лесть или пристрастие; но может быть скажешь, что я забыл Бутурлина, Давыдова и проч. Один писал много по-французски во всех отношениях, другой начертал несколько слов. О первом говорить много нечего, о втором еще меньше. Если можно что приблизить к достоинству и полезности твоих сочинений, так это некоторые статьи Военного журнала, который некогда издавал Рахманов с кн. Горчаковым и Вельяминовым. Так по крайней мере я думаю"¹¹.

После рассмотрения Николаем I рукопись вернули историка на доработку. Насколько существенна была правка императора, видно из рапорта Михайловского-Данилевского графу Чернышеву: "Во исполнение Высочайшей воли, которую удостоился я слышать изустно от Его Императорского Величества, и усмотрел из отметок на манускрипте войны 1812 года, Вашим Сиятельством мне объясненных, сделаны повеленные изменения.

Выпущено решительно все, что касается существовавших после Тильзита видов на Турцию и Восток, переговоры о Бухарестком мире пройдены в молчании, в разных местах сокращены бывшие до войны сношения с Наполеоном. О вооружении Славянском, по приказанию Вашему, сказано только мимоходом, в нескольких строках, что оно назначалось против Франции. Вообще уничтожено все, что могло бы подать повод к пересудам иностранцев, было бы слишком невыгодно для памяти некоторых генералов или слишком хвалебно для других (курсив мой. — А. С.). После сих изменений покорнейше прошу о повелении начать ли теперь печатать историю Отечественной войны, или отложить это до другого времени, а между тем заняться историческими предметами, которые мне Высочайше поручены"¹². Этот перечень внесенных исправлений и сокращений заставляет задуматься о том, насколько опубликованный труд отражает точку зрения автора на многие описанные в нем события.

Военный министр ответил Михайловскому-Данилевскому, что император разрешает приступить к изданию труда, но вместе с тем сообщил следующее: "Государю Императору угодно, дабы читанный Его Величеством манускрипт предварительно был послан к Главнокомандующему Действующею армиюю на тот конец дабы в случае каких-либо замечаний, которые он сделает, можно было ими воспользоваться до издания в свет означенного манускрипта"¹³.

Главнокомандующий князь И. Ф. Паскевич после прочтения рукописи писал графу Чернышеву: "Отдаю полную справедливость генерал-лейтенанту Михайловскому-Данилевскому. Доселе никто еще с таким талантом не изобразил картины нашей Отечественной войны 1812 года. Он один в истинном свете показал государя Александра Павловича". В то же время Паскевич высказал ряд замечаний: 1) не следует публиковать переписку Барклая де Толли и князя Багратиона в период отступления русских армий; 2) необходимо сильнее подчеркнуть, что расстройство французской армии в период отступления произошло не от холода и голода, а от непрерывных поражений от русской армии; 3) русская армия опоздала к Березине по причине уничтожения неприятелем при отступлении мостов через Днепр¹⁴.

Сохранился еще один отзыв князя И. Ф. Паскевича, написанный спустя двенадцать лет, который озаглавлен так: "Мнение князя Варшавского о сочинении Война 1812 г. генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского. С. Петербург. 1850 г.". В нем также дается лестная оценка труду Михайловского-Данилевского, но замечания отличаются. Во вводной части, по мнению Паскевича, нужно сильнее подчеркнуть репимность императора Александра I бороться с Наполеоном, необходимость этой войны. Достаточно красноречивы и другие замечания: 1) не следует публиковать писем Александра I, в которых он считает, что Наполеон будет двигаться на север; 2) нельзя обвинять князя Багратиона в двухдневной задержке у Вилковыска; 3) надо быть осторожнее в выражениях, несмотря на лживость поступков польской шляхты в Литве в 1812 году¹⁵.

Частным образом историк ознакомил с рукописью министра императорского двора князя П. М. Волконского, что видно из писем последнего к историка. В первом письме он писал: "Возвращая первую часть описания

войны 1812 года, Вашим Превосходительством сочиненное, прошу принять мою чувствительную благодарность за доставление столь любопытного и весьма хорошо написанного сочинения. Вы найдете маленькую записку, которая показывает, что еще в Вильне до начала войны было сделано мною предложение о марше на Минск вместо Дриссы и которое оправдалось впоследствии на опыте¹⁶. Через неделю историк получил от него еще одно письмо: "С чувствительною благодарностию возвращаю к Вашему Превосходительству 2 том весьма любопытного сочинения вашего, прошу прислать мне третий"¹⁷. После прочтения последнего тома князь Волконский писал историку: "Прочитав с большим вниманием и удовольствием прекрасно изложенное вашим превосходительством описание войны 1812 года в 4 частях, с чувствительною благодарностию возвращаю книгу, прося покорнейше доставить мне, буде есть продолжение"¹⁸.

Впоследствии одно из замечаний в адрес Михайловского-Данилевского как раз и было связано с освещением деятельности князя П. М. Волконским. Правда, современник был неточен, неправильно указав сочинение историка. Очевидно, что речь шла об "Описании похода во Францию в 1814 году". Однако сделанное им замечание весьма интересно, поскольку принадлежит личному другу императора Александра I — князю А. Н. Голицыну: "Вот теперь появилось знаменитое описание кампании 1812 года, изданное в свет сенатором Михайловским-Данилевским; читал ли ты его, или нет? Если не читал, то вообрази, что там написано между прочим будто бы решимость Александра брать, или не брать Париж, произошло от сделанного ему внушения князем Волконским; между тем как блаженной памяти Государь сам мне лично передал то, что именно я тебе пересказываю. Я не вытерпел, продолжал князю, чтобы, при удобном случае, не передать этого императору Николаю Павловичу, как о самой вопиющей, если не умышленной неправде. Тем страннее, что Волконский без сомнения, прочитавший книгу, промолчал; а это со стороны его можно принять знаком согласия. Нет уже нашего Александра, чтоб обличить его..."¹⁹ Из мемуаров историка видно, что эпизод, о котором здесь идет речь, был им описан как раз со слов князя Волконского.

7 января 1839 г., устранив все сделанные ему замечания, историк вновь представил рукопись императору. Теперь она состояла не из 5, а только из 4 томов. Этот факт достаточно наглядно показывает результаты редакторской деятельности императора Николая I и трех известных генералов (Чернышева, Паскевича, Волконского). Михайловский-Данилевский признавал, что в своем труде был вынужден обойти "молчанием темные пятна, коими, к сожалению, изобразится всякое великое событие, умалчивая также о подробностях, коих невозможно было мне высказать по разным обстоятельствам"²⁰. Понятно, что современники не могли знать о таких подробностях, а потому не делали для историка никаких снисхождений в своих резких критических отзывах.

Восстановить подлинные взгляды историка на многие события Отечественной войны 1812 года позволяют его мемуары, написанные в 1827—1828 гг. Надо признать, что многие оценки Михайловского-Данилевского, как мемуариста, сильно отличаются от его же оценок в

качестве официального историографа. Так, при описании в своем исследовании известного кавалерийского рейда корпусов Платова и Уварова в обход левого фланга французской армии во время Бородинского сражения, он высоко оценил действия обоих русских генералов. В частности, там дана следующая оценка: "Действия Платова и Уварова имели на участь сражения влияние чрезвычайно важное, вполне оправдавшее ожидания князя Кутузова"²¹. А в своих мемуарах, в которых Михайловский-Данилевский неоднократно обращался к этому боевому эпизоду, он всегда писал прямо противоположное: "Атаман Платов всех восстановил против себя и против казаков во-первых распутным своим поведением, например он был мертво пьян в оба дня Бородинского сражения, что заставило, между прочим, князя Кутузова, 24-го августа, во время дела, сказать при мне: "что он в первый раз во время большого сражения видит полного генерала без чувств пьяного"²². Подобных примеров противоречия между мемуарами и официальным историческим трудом можно привести немало, но в рамках данной статьи придется ограничиться простой констатацией этого факта.

Безусловно, наибольший интерес вызывает оценка труда Михайловского-Данилевского известными генералами-участниками войны 1812 года, немало которых в 1839 году были еще живы. Собирая материалы для "Описания", историк обратился ко многим из них с просьбой прислать сохранившиеся документы и свои мемуары. Такие запросы он направил: князю Д. В. Голицыну, Л. А. Нарышкину, И. Н. Инзову, князю П. Х. Витгенштейну, князю И. Ф. Паскевичу, А. А. Закревскому, А. П. Ермолову, А. Н. Сеслаину, графу М. С. Воронцову, Р. И. Дорохову и др.²³ Часть ветеранов откликнулась: Л. А. Нарышкин, Я. С. Храповицкий, А. Д. Алапов, граф М. С. Воронцов, барон В. И. Левенштерн, П. А. Тучков, князь А. И. Горчаков, князь И. Ф. Паскевич²⁴. Впоследствии у этих генералов не было причин сетовать на освещение их деятельности в "Описании Отечественной войны в 1812 году", поскольку историк активно использовал присланные ему материалы. Об этом сообщалось в предисловии: "Стараясь составить Описание, основанное на неопровержимой истине, я везде подкреплял рассказ мой ссылками на документы, везде приводил, без малейшей перемены, собственные слова действовавших лиц, их суждения, их взгляды на дела, их вид в будущем, почему они поступали так, а не иначе. Пусть исторические лица сами за себя говорят, пусть они сами повествуют о нашем славном 1812 годе, пусть оживают они перед потомством самобытною, подлинною своею жизнью"²⁵. Надо сказать, что "собственные слова действовавших лиц", включенные в сочинение, историк не всегда снабжал ссылками на источник и это привело впоследствии к обвинениям в плагиате. В частности, его упрекали в заимствованиях из мемуаров В. С. Норова и И. Г. Радожицкого, которые были опубликованы отдельными книгами, но без указания авторов.

Некоторые ветераны не откликнулись на просьбы историка (А. П. Ермолов, А. Н. Сеславин и др.). И именно они оказались впоследствии настроены весьма критически. Сеславин буквально испепелил третью часть "Описания" своими маргиналиями с критическими замечаниями и остался очень недоволен освещением своей деятельности²⁶. А. П. Ермолов в одном из частных

писем так отозвался о трудах Михайловского-Данилевского: "Давно переставши быть военным человеком, я не позволяю себе суждений и признаюсь, что сделался довольно ко всему равнодушным. Я даже верю повествованиям господина Данилевского. Сильнее этого не могу представить доказательства"²⁷. Это насмешливое замечание достаточно красноречиво показывает отношение известного военачальника к трудам историка.

С генерал-фельдмаршалом князем Ф. В. Сакеном связан один из самых неприятных для Михайловского-Данилевского исторических анекдотов, широко распространенный среди его современников. Вот он в пересказе одной знатной дамы: "Фельдмаршал Сакен писал свой дневник; после смерти все его бумаги взяты были в штаб; их пересматривал Чернышев. Нашли следующие слова в дневнике: если кто хочет иметь самое неверное понятие о кампании 1812 года, тот пусть читает Записки М[ихайловского]-Д[анилевского]. Говорят будто бы М[ихайловский]-Д[анилевский] тут был в комнате, и читалось это вслух будто бы Вревским"²⁸. Существовали и другие варианты этого анекдота, известные из мемуаров барона М. А. Корфа и князя С. Г. Волконского. Барон Корф записал этот же анекдот так: "... после покойного фельдмаршала князя Сакена остался подробный дневник, который представлен был Государю, а от него передан для разбора Чернышеву. В этом дневнике был между прочим следующий пассаж: "Получено от холопа Данилевского описание небывалых побед Чернышева"²⁹. А вот этот же анекдот из мемуаров князя С. Г. Волконского: "... флигель-адъютант Михайловский-Данилевский, о котором можно сказать то, что про него сказал фельдмаршал Сакен, — "лакей" — при чтении им "Истории кампании 12-го года"³⁰. Достоверность этого анекдота подтверждается документами из архива историка Д. Н. Бантыш-Каменского. История их происхождения такова. Бантыш-Каменский, узнав от киевского губернатора Ф. Л. Переверзева о находящемся у Михайловского-Данилевского дневнике Сакена, просил дать ему возможность познакомиться с ним. В ответ он получил не совсем вежливый отказ, в котором говорилось, что этот дневник не представляет большого исторического интереса³¹. Однако в своей книге Михайловский-Данилевский ссылается на "Журнал Сакена"³². Понятно, что князь Сакен не мог читать "Описание Отечественной войны в 1812 году", вышедшее через два года после его смерти, и речь в дневнике шла о книгах, посвященных походам 1813—1814 гг. Вероятно, генерал-фельдмаршал остался недоволен описанием сражения при Монмирале, неудачный исход которого многие современники связывали с его именем.

Близко знавший историка В. Р. Марченко в своих записках писал: "Последнее сочинение генерала Михайловского-Данилевского, которому, по высочайшей воле, открыты были все архивы, должно быть вернее прочих; только я, грешный, при полном уважении к достоинству и уму Александра Ивановича, не полагаюсь на правдивость его, видя, что он выставляет себя каким-то близким действующим лицом у фельдмаршала Кутузова и императора Александра; и более, что он чрезчур уж льстит некоторым вельможам, играющим теперь важные роли — отчего и звезды получает за книги и о фрейшнитце дочерей своих говорит, как об обстоятельстве, зависящем от него: "сегодня представляю, и фрей-

лина!" Мне доподлинно известно, что до 1830 г. не был он фаворитом ни князя Петра Михайловича Волконского, ни графа Александра Ивановича Чернышева; даже чрез меня искал у последнего из них, чтобы назначили его в турецкую армию. От чего же с издания книжек явилась со стороны их такая протекция. А насчет 1812—1815 годов скажу, что в 1812 г. вступил Михайловский-Данилевский в ополчение и был зачислен в канцелярию главнокомандующего так же, как В. А. Жуковский и другие милиционеры, не знавшие военной службы. В одно сражение, примкнув к толпе, ездившей за Коновницыным, ранен в ладонь пулею, а весною 1813 г. переименован из титулярных советников в армейский чин и после переведен в квартирмейстерскую часть. Вслед затем князь Кутузов-Смоленский скончался. Спрашивается: когда же и отчего мог быть Данилевский, молодой мальчик, близким к Кутузову, у которого были Коновницын, Толь, Безродный, Фукс, Скобелев и другие, каждый по своей части? Весь 1813-й год и до вступления нашего в Париж Данилевский был в канцелярии князя П. М. Волконского, которою управлял полковник Селявин; на Венском конгрессе и до вторичного приезда в Париж (Данилевский) находился при князе Волконском по дворцовой части, заведывая расходом денег и драгоценных вещей; да и в 1816 году был не больше, как капитан. По этим должностям и чинам можно судить о хвастовстве Михайловского-Данилевского"³³. Отметим пристрастное описание Марченко служебной карьеры историка и допущенные при этом фактические ошибки.

Автор воспоминаний о походах 1812—1813 гг., декабрист В. С. Норов, в одном из писем брату обвинил Михайловского-Данилевского в плагиате: "Он (граф Гейден. — А. С.) мне дал прочесть последние два тома 12-го года Данилевского. Вообрази мое удивление что в IV томе на 18 странице сверху до низу нашел почти буквально выписанный мой рассказ о Красненском деле, на 20-й тоже, наконец вся 173 страница совершенно моя. Бесспорно прямое и собственное назначение исторических записок состоит в том чтоб служить материалами для истории, но ежели г-н Данилевский думал сделать мне честь ввести мой рассказ во многих местах, то по крайней мере справедливость требовала в примечаниях указать на эти материалы *ou il a puissé*". Впрочем, естественно об этом ни слова не говоря ему, а только из любопытства, возьми у кого-нибудь его IV часть 12 года и следи указанные страницы с моим рассказом о Красном, о преследовании к Борисову и другие места, ты сам увидишь. О пристрастии нечего говорить, но одно нестерпимо смешно для военного. Он уверяет что Кутузов не помог Милорадовичу под Вязьмою (от которой он был вечером в 8 верстах), от того что получил ложное известие, что Милорадович не теснит неприятеля, но сам тесним им и отступает, но именно этот слух не должен ли бы его понудить удвоить шаг и подкрепить Милорадовича?? Но Данилевский врет, я сам помню как 22 октября в 3-м часу пополудни мы все офицеры с наших бивок близ Быкова не только слышали, но даже собственными глазами своими видели ружейный огонь стрелков и всю массу французскую, отступающую от Милорадовича, и бесились от досады, что явно от-

* откуда взяты (фр).

крывают дорогу бегущему неприятелю. Спроси об этом кого хочешь из свидетелей. Наконец к вечеру побужденный ли кем-либо из генералов, или по укоризны собственной совести, Кутузов отдал повеление двум егерским полкам, и двум батальонам нашего 3-му и 1-му идти на подкрепление Уварова, который с отборной кавалерией дойдя до ручья стал как в пень и ограничивался одной канонадой издали, уверяя что без пехоты ничего не может делать. В это самое время наши варили кашу для ужина, Бистром получа приказание велел опрокинуть котлы и станвиться в ружье, как вдруг приезжает сам Лавров с контр-ордером, составить ружья, и оставаться на месте, между тем каша была уже вылита! Я помню как карабинер нашей роты Таубер Шмит, вольнопеределившийся из курляндцев и потом убитый под Кульмом — сказал смеючись: Ну ребята! Пропала каша и слава наша, француз пошел на серетир, а мы смотрим на него как вороны разиня рот! Но таких примеров много. Беннигсен, сидя на барабанах, просто бранил Кутузова. Но такие анекдоты, хотя характеризуют эпоху, не могут быть еще описаны (курсив мой. — А. С.). Nous autres contemporains et acteurs nous ne lirons jamais la véritable histoire de celle guerre³⁴. Очень показательно, что Норов признавал невозможность публикации в то время достоверных сведений о войне 1812 года.

После выхода в свет "Описания Отечественной войны в 1812 году" барон М. А. Корф сделал запись в своем дневнике: "Все наши журналы теперь наполнены разборами или лучше сказать хвалебными гимнами Истории войны 1812-го года генерала и сенатора Данилевского, вышедшей в прошлом месяце. Иначе и быть не может: книга издана по Высочайшему повелению; цензором ее был сам Государь; автору, — как сказано в предисловии, — открыты были все государственные архивы; он осыпан, сверх того, монаршими милостями. Но люди, которые ближе знают дело и, пригом говорят не с публикою, соглашаясь, что в этой книге собрано множество драгоценных документов и материалов, оставшихся до сих пор под скупом, разделяют однако мнение гр. Толя, о котором я когда-то говорил в моем дневнике, именно, что Данилевский сделал из своего сочинения род придворного календаря или барометра, по которому всегда легко измерить степень милости, какую теперь пользуется каждое из действующих лиц великой драмы 1812-го года. Имея в виду не строгую беспристрастность историка, — для которой впрочем по близости эпохи может быть и не настало еще время (курсив мой. — А. С.), — а лесть сильным временщикам, Данилевский в этом духе направил все свои суждения, позволяя себе даже, как говорят, исказить самые факты. Возражений или опровержений мы, разумеется, не дождемся, потому что на беду сам же Данилевский есть цензор всех выходящих в России военных книг и статей по военной части. Так говорят, например, что он респектильно отказал пропустить к напечатанию сильное возражение против некоторых статей своей книги, где ему и публике очевидно доказывается, что он писал просто — ложь и доказывается судьей сведующим сенатором Бутурлиным, сочинителем известной истории

(на французском языке) кампании 1812 года. Как бы там не было, но Данилевский в новой своей книге еще более обличил характер свой обратившись между знающими его в пословицу. С неоспоримым умом, с довольно многообразными сведениями, он соединяет в себе беспримерную склонность к интриге: наглый, но искусный льстец, он не знает ничего святого, когда идет дело об его интересе или о средствах шагнуть вперед. Всем известно слово его гр. Чернышеву, при котором он состоит членом Военного Совета — слово, которое мог проглотить именно один Чернышев при непомерном его често- и самолюбии, не согнав с глаз своих подлого льстеца. Они играли однажды в вист и как-то зашла речь о недостатке в настоящую эпоху гениальных людей, не только в России, но и в целой Европе. "Я с моей стороны, — сказал Данилевский, — в эту минуту знаю из всех современников только трех великих гениев". "Кто же они?" спросил Чернышев. — "Галейран (он тогда еще был жив), Меттерних и Чернышев". — И это сказано было даже не наедине, а при десяти человеках смотревших на их партию!³⁵ Барон Корф был прав — все опубликованные рецензии были хвалебны. Наибольший интерес представляют рецензии в популярных и известных журналах, влиявших на умы современников.

В "Библиотеке для чтения" была помещена пространная рецензия, состоящая из трех статей, в которой говорилось: "...беспристрастие, с которым излагает весь ход событий, опираясь на документы обеих сторон, проницательность, с какою выводит свои заключения, и благородная любовь к истине, постоянно служащая у него факелом и руководителницею любви к отечеству, делают величайшую честь автору и его творению"³⁶. По мнению рецензента: "Литература, приобретающая подобное творение, может справедливо гордиться. Творение генерала Данилевского несомненно будет причислено в нашей литературе к разряду немногих книг классических"³⁷. А. А. Краевский в "Отечественных записках" писал: "По нашему мнению, до сего времени еще не было на русском языке, по части военной истории, столь важного и поучительного сочинения, и даже, не подвергаясь упреку в пристрастии, смело можем сказать, что "Описание Отечественной войны" станет наряду с творениями генерала Жомини, Фуа и Негира, и будет одною из любимых книг просвещенного воина и всякого образованного Русского"³⁸. В "Сыне Отечества" рецензент писал: "...будучи полною военною летописью, отличаясь беспристрастием и достоверностью, ибо, нигде не принимая на себя суда, автор только излагает факты, истощая для того все официальные источники, записки, известия, описания самих неприятелей, и сведения письменные и словесные множества лиц, участвовавших в делах 1812 года — обширную, едва не безмерную картину представляет труд нашего автора, и только опытность и искусство слога его, и верная система в расположении, могли ограничить его сочинение столь небольшим объемом, при совершенно удовлетворительной полноте"³⁹.

Во французском литературно-критическом журнале, не зависящем от решений Военно-цензурного комитета, была помещена крайне негативная рецензия. Ее автор напрочь отказал сочинению Михайловского-Данилевского в достоверности. По его мнению, в книге искажены реальные события и допущено излишнее

злословие в адрес французов. Рецензент не советовал читать эту книгу, издание которой преследовало прежде всего внешнеполитические цели, о чем свидетельствует одновременный выход ее немецкого перевода в Риге и Лейпциге⁴⁰.

Существует еще одна рецензия, авторство которой барон Корф в своем дневнике ошибочно приписал военному историку Д. П. Бутурлину. В действительности ее написал известный русский военачальник, ближайший сподвижник князя М. И. Кутузова в 1812 году, граф К. Ф. Толь. Эта рецензия была обнаружена в его архиве и опубликована в начале XX века. В 1839 году, когда широко праздновался юбилей победы над Наполеоном, Толь посчитал себя незаслуженно забытым и был сильно обижен на своего бывшего друга Михайловского-Данилевского, уделившему так мало места освещению его деятельности в "Описании Отечественной войны в 1812 году". В ноябре 1839 года граф Толь познакомил со своей рецензией Д. П. Бутурлина, который довольно прохладно отозвался, что она "во многих отношениях оказывается справедливой"⁴¹. Вероятно, этот холодок был вызван тем, что рецензент отзывался в ней очень хвалебно о самом себе в третьем лице. Конечно, графу Толью трудно было остаться объективным в тех условиях. В своей рецензии он писал: "Нельзя сказать, чтобы четыре тома генерала Данилевского не содержали некоторых интересных подробностей и до той поры неизвестных относительно многих событий этой войны; будущий историк найдет даже материалы, из которых можно будет извлечь значительную пользу, — но историку 1812 г. придется еще раз составлять"⁴². Графу Толью не понравился сам "способ рассуждения и толкования предмета": по его мнению, автор задался целью составить книгу приятную и увлекательную, в то время как ему надлежало писать военную историю. По мнению Толя, Михайловский-Данилевский писал свое сочинение не как историк, а как очевидец, и поэтому многие предвзятости той эпохи сказались на его творении, что привело к многочисленным ошибкам. Не будем останавливаться подробно на критике рецензентом фактических ошибок, она во многом справедлива, но далеко не беспристрастна, как этого требует жанр рецензии.

Самым плодотворным критиком "Описания Отечественной войны в 1812 году" был И. П. Липранди, которого Михайловский-Данилевский лично попросил "сделать переборку его сочинения", чтобы внести исправления в новое издание. Липранди "перебрал" только два первых тома, сделанный им разбор носит название: "Замечания на некоторые выражения встречающиеся в описании Отечественной войны 1812 года". Главным образом это замечания стилистического характера и указания на несоответствия в тексте. Несколько претенциозно выглядит концовка: "Здесь оканчиваю эту статью, потому что для продолжения подобных замечаний, пришлось бы написать втрое больше того, что написал сам автор"⁴³. В вышедшей в 1855 году книге Липранди, кроме вышеназванного разбора, имеются еще две статьи. В первой из них — "Не голод и не мороз были причиною гибели наполеоновых полчищ", он оспаривает мнение Михайловского-Данилевского (правда, четко не сформулированное в его сочинении) о том, что голод был первостепенною, а мороз второсте-

пенною причиною гибели французов. Вторая статья "Русские или французы зажгли Москву" посвящена проблеме, которую историк не разрешил в своем труде, приписывая московский пожар то французам, то москвичам.

Во многих других статьях Липранди книга Михайловского-Данилевского также "составляет предмет замечаний". Все они были опубликованы в 50-е годы XIX века, т. е. после смерти Михайловского-Данилевского. До этого он не мог их опубликовать по многим причинам (военная цензура, личное знакомство и т. д.). Даже после смерти Михайловского-Данилевского критические статьи Липранди с трудом преодолевали цензуру. Дважды, в 1858 и 1863 гг., он пытался опубликовать статью "Как был взят город Суассон 2/14 февраля 1814 года", но оба раза неудачно⁴⁴. Впервые эта статья увидела свет только в 1868 году. В ней убедительно доказано, что при описании взятия города Суассона Михайловский-Данилевский приписал генерал-адъютанту Чернышеву заслуги генерала от кавалерии Винценгероде.

В 1858 г. Липранди опубликовал статью, где разбирается отдельный эпизод из "Описания Отечественной войны в 1812 году": от прибытия князя Кутузова к армии до оставления Москвы⁴⁵. Главная цель статьи — доказать, что Михайловский-Данилевский превознес князя Кутузова; но при этом Липранди сам приуменьшил деятельность Барклай де Толли. Именно последнего, по его мнению, в день Бородинского сражения армия "видела своим главнокомандующим, как и прежде". Нельзя не признать, что такое суждение достаточно спорно. В то же время из содержания статьи видно желание автора, одного из последних ветеранов наполеоновских войн, вписать таким образом свое имя если не в историю, то, по крайней мере, в историографию эпохи 1812 года.

Особенно пристрастным к Михайловскому-Данилевскому был его бывший сослуживец князь А. С. Меншиков. Известно его несколько остроумных в адрес историка. Вот одна из них: "В 1843 г. военный министр князь Чернышев был отправлен с поручением на Кавказ. Думали, что государь оставит его главнокомандующим на Кавказе, и что военным министром назначен будет Клейнмихель. В то время Михайловский-Данилевский, известный военный историк, заботившийся в своем труде о том, чтобы выдвинуть на первый план подвиги тех генералов, которые могли быть ему полезны, и таким образом проложить себе дорогу, приготавливал новое издание описания войны 1813—1814 годов. Это издание уже оканчивалось печатанием. Меншиков сказал: "Данилевский, жалея перепечатать книгу, пускает ее в ход без переделки; но в начале сделал примечание, что все, написанное о князе Чернышеве, относится к графу Клейнмихелю"⁴⁶. Смерть историка предоставила ему возможность высказать очередное вопиющее замечание, записанное графом П. Х. Граббе: "Князь Меншиков, узнав о смерти Михайловского-Данилевского, писателя военной истории нашей, не отличавшегося беспристрастием, заметил, что мы в короткое время лишились двух баснописцев — Крылова и Данилевского"⁴⁷.

Бесспорно, историк в своем труде значительно приуменьшил заслуги графа А. И. Чернышева, который в

* Мы, современники и участники, никогда не увидим правдивой истории этой войны (фр).

1812 году имел чин полковника. Это вызвало негативную реакцию у многих современников. Выше приводились отзывы князя Ф. В. Сакена, барона М. А. Корфа, Д. В. Давыдова и др. Этот перечень имен можно продолжить. Например, так же считал барон К. К. Мейендорф, который в 1813 году, будучи артиллерийским офицером, служил в отряде Чернышева: «Михайловский-Данилевский лишь из желания польстить сильному в то время военному министру поэтизировал действия Чернышевского отряда под Касселем»⁴⁸. А вот что записал об историке в своем дневнике обер-прокурор 1-го отделения 6-го департамента Сената К. Н. Лебедев: «Это замечательный военный историк, не столько по верности истине, преклонявшейся у него современными любимцам, сколько по обилию и важности источников, которые были открыты ему и которые он мог иметь сам по своему прежнему и настоящему положению и по обширным сношениям»⁴⁹. Об этом же, правда чуть позже, писал еще один современник, А. В. Никитенко: «О Михайловском-Данилевском, историке XII года, говорится, что он, конечно, неизмеримо уступает, как баснописец, Крылову, но превосходит его вымыслами. Князь Чернышев был тогда министром военным, и этот историк представил его чуть не первым полководцем Европы и спасителем России. Что человек? отчасти животное, отчасти жертва»⁵⁰.

Надо признать, что многие современники понимали сложность положения в котором оказался официальный историк войн, участники которых были еще живы и занимали высокие государственные посты.

Этой проблемы коснулся в одной из своих статей Липранди, полемизируя с И. Г. Бугровским, считавшим, что «в военном отношении История А. И. Михайловского-Данилевского тоже, что в отношении государственном История России Н. М. Карамзина». По мнению Липранди, сочинения этих двух историков сравнивать нельзя, поскольку: «Михайловский-Данилевский описывал не события, совершившиеся за несколько веков пред тем, а то, что происходило в его глазах, где он участвовал, при всей возможности разобрать критически современные повествования о его предмете, следовательно разница между двумя повествованиями такого рода огромная: первый может хвалить и порицать того или другого по своему разумению, не опасаясь разжечь против себя злобу одних, или прислужиться к другим, потому что века покоят их в могиле, но не в отношении второго — он должен быть осторожен и к умершим, но оставившим поколение могущественное по связям и значению, и против живых в той же степени, и т. д.»⁵¹. (Курсив мой. — А. С.) Понятно, что в таких условиях историку трудно сохранять беспристрастие.

Лучше современников это осознавал сам Михайловский-Данилевский, который еще в 1832 г., пересылая С. Н. Глинке книгу своих мемуаров, писал: «Недостатки сочинения извините чрезвычайной трудностью писать о

современных событиях, а особенно, когда автор находится еще на поприще службы, и в связях со всеми действующими в книге лицами»⁵². На эту же тему он однажды откровенно объяснился с Ф. В. Булгариним, который впоследствии вспоминал: «Творение сие, основанное на официальных документах, на изустных рассказах участвовавших в войне и на собственных наблюдениях автора, чрезвычайно драгоценно относительно исторических событий; но мне кажется, что некоторые подвиги вождей выставлены слишком ярко, а другие, равного достоинства, поставлены в полсвете и даже в тени. Все это я высказал откровенно А. И. Михайловскому-Данилевскому, когда он потребовал моего искреннего мнения. Он согласился с великою истиною, что современник, участвовавший в событиях, может лишь собирать богатые материалы для Истории, но что беспристрастная история может быть написана только человеком посторонним»⁵³. (Курсив мой. — А. С.) Гносеологическая проблема, затронутая в этой беседе, однозначного решения не имеет. Здесь многое зависит от личных качеств историка, его способности и возможности мыслить беспристрастно и независимо. Михайловский-Данилевский, по многим причинам, этого сделать не смог, что и признал в откровенном разговоре с Булгариним.

На наш взгляд, самую краткую и справедливую оценку деятельности Михайловского-Данилевского дал К. А. Полевой: «Критика может находить недостатки в «Описании Отечественной войны», но никто не может отрицать, что в этой книге соединено множество сведений драгоценных, без которых мы не знали бы нашей Отечественной войны, или знали бы многое превратно»⁵⁴.

Что касается «множества сведений драгоценных», здесь историку надо отдать должное — он провел колоссальную работу. Наибольшую ценность представляет его собрание мемуаров ветеранов эпохи 1812 года. Детально исследовавший этот вопрос А. Г. Тартаковский считает, что в распоряжение Михайловскому-Данилевскому было предоставлено более 60 рукописей (из них не менее 40 в ответ на его запросы)⁵⁵. После выхода «Описания Отечественной войны в 1812 году» в свет многие ветераны взяли за мемуары уже по собственной инициативе, часть из них полемизировала с историком⁵⁶.

«Описание Отечественной войны в 1812 году» по праву занимает достойное место в отечественной историографии. В нем впервые была дана официальная русская трактовка хода и событий этой войны, которой придерживались вплоть до последнего времени. Сделано это было очень подробно, с привлечением большого количества подлинных документов. Этот труд заложил фундамент дальнейшей разработки эпохи 1812 года в историографии и стал катализатором освещения ее в мемуаристике.

- ⁵ Письмо Г. С. Лапкарева к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 14 марта 1836 г. // ПбФА РАН. Ф. 295, оп. 2, д. 57. Л. 3—4.
- ⁶ Письмо А. Ф. Воейкова к А. И. Михайловскому-Данилевскому, 1836 // ОР РНБ. Ф. 859, к. 32, № 29. Л. 17.
- ⁷ Письмо Д. В. Давыдова к А. С. Пушкину от 23 ноября 1836 г. // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 486—487.
- ⁸ Давыдов Д. В. Воен. зап. М., 1940. С. 385—386.
- ⁹ Письмо князя П. Х. Витгенштейна к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 8 мая 1836 г. // ОР РНБ. Ф. 859, к. 32, № 29. Л. 13—14.
- ¹⁰ Рескрипт А. И. Михайловскому-Данилевскому от 26 февраля 1838 г. // Рус. инвалид. 1838. 27 февр. № 51. С. 202.
- ¹¹ Письмо А. И. Казначеева к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 21 апреля 1838 г. // ПбФА РАН. Ф. 295, оп. 2, д. 43. Л. 1.
- ¹² Рапорт А. И. Михайловского-Данилевского графу А. И. Чернышеву от 12 апреля 1838 г. // Рус. старина. 1900. № 6. С. 589.
- ¹³ Предписание князя А. И. Чернышева А. И. Михайловскому-Данилевскому от 15 апреля 1838 г. (копия) // ОР РНБ. Ф. 859, к. 3, № 1. Л. 125.
- ¹⁴ Отзыв фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича о труде Михайловского-Данилевского «Описание войны 1812 года» // РГИА. Ф. 1018, оп. 9, д. 167. Л. 3—7.
- ¹⁵ Мнение князя Варшавского о сочинении Война 1812 г. генерала Михайловского-Данилевского // Там же. Д. 179. Л. 3 об—4.
- ¹⁶ Письмо князя П. М. Волконского к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 4 апреля 1838 г. // РО ИРЛИ. Ф. 527, ед. хр. 60. Л. 5—5 об.
- ¹⁷ Письмо князя П. М. Волконского к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 15 апреля 1838 г. // ОР РНБ. Ф. 859, к. 3. № 1. Л. 137.
- ¹⁸ Письмо князя П. М. Волконского к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 11 февраля 1839 г. // Там же. Л. 138.
- ¹⁹ Рассказы князя А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартечева // Рус. архив. 1886. Кн. 2. С. 96.
- ²⁰ Цит. по: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 209.
- ²¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 2. С. 257.
- ²² Он же. Записки: 1812 год // Ист. вестник. 1890. № 10. С. 154.
- ²³ Реестр исходящих бумаг по сочинению истории 1812 года. 1836—1837 гг. // ОР РНБ. Ф. 859, к. 2. № 5.
- ²⁴ Подробнее об этом см.: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 217—224.
- ²⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1. С. XV.
- ²⁶ Семевский М. И. Партизан Сеславин // Отеч. зап. 1860. № 4. С. 35—52.
- ²⁷ Письмо А. П. Ермолова к князю М. С. Воронцову, январь 1847 г. // Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. 36. С. 335.
- ²⁸ Из записок знатной дамы // Рус. архив. 1882. Кн. 1. С. 218.
- ²⁹ Михайловский-Данилевский по заметкам барона Корфа: (Выписка из дневника) // ОР РНБ. Ф. 859, к. 38, № 16. Л. 5.
- ³⁰ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 208.
- ³¹ Письмо А. И. Михайловского-Данилевского к Д. Н. Бантыш-Каменскому от 28 октября [год не указан] и пояснительная записка к нему // РО ИРЛИ. Ф. 339, д. 1. Л. 11—12.
- ³² Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 4. С. 117.
- ³³ Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки. 1782-1838 // Рус. старина. 1896. № 3. С. 499.
- ³⁴ Письмо В. С. Норова к А. С. Норову [после 1839 г.] // ОР РНБ. Ф. 531, д. 477. Л. 59—60 об.
- ³⁵ Михайловский-Данилевский по заметкам барона Корфа: (Выписка из дневника) // ОР РНБ. Ф. 859, к. 38, № 16. Л. 4—4 об.
- ³⁶ Библиотека для чтения. 1839. Т. 36. Разд. 5: Критика. С. 26.
- ³⁷ Там же. Т. 37. Разд. 5: Критика. С. 34.
- ³⁸ Отеч. зап. 1839. № 10. Отд. 6. С. 30.
- ³⁹ Сын Отечества. 1839. Т. 10. Разд. 4. С. 43—45.
- ⁴⁰ Écho de la littérature et des beaux-arts dans les deux mondes. Année 1841. Paris, 1842. P. 342—343.
- ⁴¹ Отношение Д. П. Бугурлина к графу К. Ф. Толлю от 18 ноября 1839 г. // Генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь в 1812 году. СПб., 1912. С. 312.
- ⁴² Толь К. Ф. Критика сочинения Описание Отечественной войны по высочайшему повелению, соч. генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским // Там же. СПб., 1912. С. 167.
- ⁴³ Липранди И. П. Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновых полчищ в 1812 году. СПб., 1855. С. 206.
- ⁴⁴ Он же. Как был взят город Соассон 2/14 февраля 1814 года // Рус. архив. 1868. № 6. Ст. 903—925.
- ⁴⁵ Он же. Краткое обозрение эпизода Отечественной войны (из соч. Михайловского-Данилевского) с прибытия князя Смоленского к армии 17-го августа до оставления Москвы 2-го сентября. СПб., 1858.
- ⁴⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков. Анекдоты. Шутки и острофы // Рус. старина. 1875. № 3. С. 641.
- ⁴⁷ Из дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе // Рус. архив. 1888. Кн. 3. С. 380—381.
- ⁴⁸ Записки сенатора Владимира Ивановича Дена // Рус. старина. 1890. № 1. С. 89.
- ⁴⁹ Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Рус. архив. 1910. № 10. С. 241.

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1. С. XV.

² Он же. Разбор российских сочинений, касающихся до истории 1812 года // Отеч. зап. 1820. Ч. 4. № 7. С. 58.

³ Письмо графа А. И. Чернышева к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 8 апреля 1836 г. (копия) // ОР РНБ. Ф. 859, к. 3, № 1. Л. 155.

⁴ Рус. инвалид. 1836. № 52. 27 февр. С. 206.

- ⁵⁰ Никитенко А. В. Записки и дневники (1826—1877). СПб., 1893. Т. 3. С. 452—453.
- ⁵¹ Липранди И. П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. СПб., 1867. С. 125.
- ⁵² Письмо А. И. Михайловского-Данилевского к С. Н. Глинке от 27 марта 1832 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 93, оп. 3, д. 849. Л. 4—4 об.
- ⁵³ Булгарин Ф. В. Краткий биографический очерк генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского // Сев. пчела. 1848. 9 нояб. № 252. С. 1007—1008; 11 нояб. № 254. С. 1045—1046.
- ⁵⁴ [Полевой К. А.] Воспоминание об Александре Ивановиче Михайловском-Данилевском // С.-Петербург. ведомости. 1848. 19 сент. № 210. С. 843—844.
- ⁵⁵ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 222—224.
- ⁵⁶ Орурк И. К. Воспоминания о взятии Борисова и сражении при Березине в 1812 г. // Воен. сб. 1910. № 10. С. 55—58; Орлов-Денисов В. В. Воспоминания о сражении под Витебском и Спас-Куплей в 1812 г. // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 214—225; Кожухов А. С. Воспоминания о 1812 г. // Там же. С. 244—247; Тенер К. И. Сведения о марше отряда генерал-майора Паскевича от села Дегчино до города Вязьмы во время войны в 1812-м году // 1812 год в воспоминаниях современников

Владимир Григорьевич Дацышен (Красноярск)
кандидат исторических наук

Окончил с отличием исторический факультет Красноярского педагогического института и аспирантуру при Иркутском педагогическом институте. Автор 40 научных публикаций, вышедших в России и за рубежом, а также монографии. В настоящее время работает старшим преподавателем кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета.

РУССКИЙ КВАНТУН. 100 ЛЕТ СО ДНЯ ЗАНЯТИЯ ПОРТ-АРТУРА

3 декабря 1897 г.¹ на рейде Порт-Артура встал отряд судов русской Тихоокеанской эскадры. 15 марта 1898 г. в Пекине была подписана "Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове". На следующий день над Золотой горой Порт-Артура был поднят Андреевский флаг, на картах мира появился новый русский город, призванный занять особое место в истории нашего народа и государства.

Порт-Артур в своем новом качестве не мог быть одиноким, русский десант одновременно занял городок Даляньвань. Под власть России переходила южная часть полуострова Ляодун, называемая иностранцами Гуаньдун, или через английскую транскрипцию — Квантун. 25 апреля был подписан "Дополнительный протокол к Пекинской конвенции 15 марта 1898 г.", которым определялись границы арендуемой Россией территории. В феврале 1899 г. стороны утвердили "Протокол разграничения территории", 25 апреля подписали "Дополнения к протоколу разграничения территорий", завершившие оформление границ новой российской колонии на Дальнем Востоке.

Как это ни парадоксально, но в отечественной историографии до сих пор нет ни одной работы, специально

посвященной российской колонии на юге Ляодуна. Всем хорошо известны подвиг и трагедия Порт-Артура во время русско-японской войны, но истоки этого события, повернувшего ход отечественной и мировой истории, история города и области, за обладание которыми развернулась одна из величайших битв мировой истории, изучены недостаточно, а зачастую просто не известны.

Исследование истории колонии начинается с проблемы ее появления в составе империи: кто же, когда, зачем принял решение о приобретении южной части Ляодуна? Исследователи обычно пытаются искать ответы на все вопросы в Петербурге. Сознательно или нет, но историки исходят из принципиальной позиции, что политика и программа действий определяется и детализируется в центре, на местах же претворяется в жизнь согласно воле правительства или заранее составленному плану. В действительности же все гораздо сложнее, а может и проще, процесс колониальных приобретений, получив толчок из центра, быстро становится самодвилющим. Найти и понять, кто и зачем придумал эту конкретную колонию, невозможно, чтобы выяснить, как она появилась, необходимо детально рассмотреть весь ход событий рождения новой колонии.

Впервые слухи о том, что Россия планирует захватить китайскую военно-морскую базу на юге Маньчжурии, появились в правительственных кругах Англии и Франции в 1895 г. в связи с борьбой русского руководства за предоставление китайского займа под гарантии русской казны на очень выгодных для Китая условиях. В октябре 1895 г. газета "Таймс" передала сообщение из Гонконга, что "благодаря недавно заключенному договору между Россией и Китаем первая получает право якорной стоянки флота в Порт-Артуре..."² Через год с небольшим история повторилась. В конце 1896 г. одна шанхайская газета напечатала даже якобы текст секретного русско-китайского договора, названного "конвенция Кассии".

Руководство России не пыталось и не планировало в то время захвата или приобретения Порт-Артура. Но нельзя говорить и о полной беспочвенности подобных слухов, реальный ход событий, связанный с новым витком борьбы держав за сферы влияния на Дальнем Востоке, подталкивал именно к этому. Китай, пытаясь приобрести в лице России союзника или противовеса для борьбы с Японией, рассчитывал или привлечь ее или, в случае необходимости, рассчитаться с ней своими портами. В ноябре 1895 г. китайский посланник сообщил российскому министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому, что "китайское правительство, движимое чувствами особенной благодарности к России, разрешило нашей эскадре в Тихом океане перезимовать в Чжуцзу (несколько южнее Вэйхайвэйского полуострова), хотя это не открытый порт, но, дабы это решение не возбудило претензий со стороны других держав, оно просит, чтобы при первой возможности наша эскадра избрала себе другую стоянку"³. Очевидно, Китай, используя свои порты в политической игре с Россией, надеялся, что другие державы не позволят русским выпрыгнуть в этой игре. События следующего года продолжили логику предыдущих событий. 22 мая 1896 г. в Москве был подписан секретный русско-китайский союзный договор, в котором, в частности, говорилось: "Во время военных действий все порты Китая будут, в случае необходимости, открыты для русских военных судов..."⁴

Осенью 1897 г. в связи с кризисом на Дальнем Востоке, вызванным захватом Германией Циндао, в Санкт-Петербурге был поставлен вопрос о приобретении портов в Китае. Инициатива в занятии Порт-Артура исходила от нового министра иностранных дел М. Н. Муравьева. Он в докладной записке от 11 ноября предложил царю воспользоваться моментом и занять Далянь или какой-нибудь другой порт по выбору морского министерства. Но морское министерство было против занятия любого китайского порта. Собранный в ноябре 1897 г. Особое совещание из руководителей заинтересованных ведомств для обсуждения данного вопроса не приняло предложения М. Н. Муравьева, поддержанного лишь военным министром генералом П. С. Ванновским. Однозначно против Порт-Артура на Особом совещании выступил управляющий морским министерством П. П. Тыртов, считавший, что флот пока вообще не нуждается в новых базах. Против захватов в Китае был директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Д. А. Кашист. Не поддержал на ноябрьском совещании занятие Порт-Артура и министр финансов С. Ю. Витте.

Особое совещание в Петербурге высказалось против приобретения Порт-Артура, но через несколько дней отряд эскадры под командованием контр-адмирала Реунова по указанию Николая II встал на рейде этого китайского порта. Россия, как великая держава, решила в ситуации политического кризиса провести демонстрацию силы в регионе. Но не успели русские корабли подойти к Порт-Артуру, как ситуация вокруг этого порта и всего Ляодуна стала резко меняться. 2 декабря Ли Хунчжан, верный тактике сложных, ему одному понятных, дипломатических маневров, обратился лично к С. Ю. Витте с просьбой о займе в 100 млн. рублей для второго взноса по японской контрибуции. Министр финансов сразу же выдвинул условия: "выдать... КВЖД концессию на сооружение ж/д ветви от магистрали КВЖД до той гавани..."⁵ и предоставить место для устройства порта Добровольного флота. С этого момента начинается собственно борьба за захват портов на Ляодуне, позиция С. Ю. Витте подтолкнула Россию на приобретение территорий на юге Маньчжурии. Представители международного капитала, вложенного в экономику Северо-Восточного Китая, вскоре нашли себе союзников в лице российских политиков и военных, сторонников территориальных захватов в Китае или ведущих борьбу за контроль над Пекином.

Китайская сторона восприняла приход флота союзной России спокойно, 3 декабря русских встретили дружелюбно. Но 17 декабря представители китайского внешнеполитического ведомства потребовали у российского посланника А. И. Павлова письменного подтверждения отсутствия намерений удерживать Порт-Артур и Далянь. В ответ 26 декабря русская сторона заявила, что китайские требования оскорбительны и русские войска уйдут с Ляодуна, когда позволят политические обстоятельства; было выдвинуто встречное требование отвода мест для строительства угольных складов в Порт-Артуре и Даляне.

В течение зимы 1897—1898 гг. Санкт-Петербург не смог окончательно определить для себя дальнейшую перспективу портов, в столице выжидали. Просто уйти было уже нельзя, но русской стороне крайне необходимо было избежать столкновений с китайцами и добиться каких-либо уступок от них. В противном случае это грозило не только серьезными внешнеполитическими осложнениями, но и отказом от поддержки данного предприятия со стороны влиятельных лиц в руководстве страны. Будущее Порт-Артура полностью зависело от решения вопросов на месте.

Переговоры с представителями местной власти на юге Ляодуна были поручены военным. В декабре 1897 г. провели встречи с китайским командованием военные агенты в Китае полковники Десино и Вогак, контр-адмирал Реунов, капитан 1-го ранга Витефт. Все переговоры ни к чему не привели, командующий войсками на юге Ляодуна старший генерал Сун Цин, а также Ма Юйкунь не шли ни на какие уступки. В январе 1898 г. обе стороны наращивают военные силы в районе Порт-Артура. К концу месяца у портов южного Ляодуна собирается вся Тихоокеанская эскадра вместе с командующим Ф. В. Дубасовым. В конце января подошло подкрепление и к китайцам.

Прибытие русского флота в Порт-Артур благотворно сказалось на экономической ситуации в разоренном